

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 897–912, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930 (575.2)

Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа

Дархан Аманжолович Джумагалиев¹,
 Жаксылык Муратович Сабитов²

Kalmaks in the Majmu al-Tawarikh: Characterizing the Term and Image

Darkhan A. Jumagaliyev¹,
 Zhaxylyk M. Sabitov²

¹ Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, Jochi Ulus Research Institute (Room 8, 2/1, Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan) блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)

магистр гуманитарных наук, научный сотрудник MA (History), Research Associate

0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai[at]mail.ru

² Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, Ave., 060000 Атырау, Республика Казахстан) 060000, Атырау, Республика Казахстан

PhD, профессор

PhD (History), Professor

0000-0001-7186-156X. E-mail: babasan[at]yandex.kz

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Джумагалиев Д. А., Сабитов Ж. М., 2025

© Jumagaliyev D. A., Sabitov Z. M., 2025

Аннотация. Введение. Исследование посвящено анализу значения и употребления термина «калмак» в сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих». Целью исследования является выявление семантических, идеологических и историко-культурных функций данного термина. В качестве задач исследования определены: выявление контекстов употребления термина «калмак» в «Маджму ат-таварих»; определение его значения как маркера религиозной инаковости; анализ религиозно-политического противопоставления мусульман и «калмаков» в рамках Улусов Джучи и Чагатая. Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются опубликованные переводы «Маджму ат-таварих» на кыргызский и русский языки. Помимо этого, для сравнения достоверности выявленных данных в исследовании также использовались такие источники, как «Кара таварих», «Тарих-и Хамиди», «Тарих-и Рашиди», «Зафар-наме», «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», «История Казахстана в персидских источниках», а также ногайская поэма «Эдиге», казахские героические эпосы «Едиге», «Сорок батыров Крыма», казахские предания. Исследование базируется на принципах историзма и системности, а также на применении сравнительно-исторического и семантического анализа. Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что термин «калмак» в сочинении «Маджму ат-таварих» носит преимущественно идеологизированный характер и

используется для обозначения образа «неверного» и «врага», противопоставленного мусульманам, вне зависимости от этнической или религиозной самоидентификации обозначаемых групп. На основании анализа источниковых данных представляется возможным утверждать, что формирование термина «калмак» происходило в пределах Золотой Орды в период правления Узбек-хана и первоначально обозначало кочевые группы, сохранившие верность традиционным верованиям и отказавшиеся от принятия ислама. В этом контексте особенно важно разграничивать понятие «калмак» как религиозно-идеологическую категорию и его последующее использование в качестве этнонима ойратов, с которыми данный термин начал соотноситься значительно позднее. В конце XIV в. термин «калмак» получил широкое распространение и вышел за пределы Золотой Орды, что, в частности, подтверждается его употреблением в сочинении «Зафар-наме». *Выводы.* В указанном источнике термин «калмак» не имел строго этнического значения, а отражал религиозную и политическую поляризацию, сложившуюся в регионе в XIV–XVI вв.

Ключевые слова: «Маджму ат-таварих», Золотая Орда, Улус Чагатая, «Тарих-и Рашиди», калмаки, ойраты, Узбек-хан, эпос, ислам

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта «Улус Джучи в XIII–XV веках: исследования по этнополитической и социально-экономической истории» (№ BR24992878).

Для цитирования: Джумагалиев Д. А., Сабитов Ж. М. Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 897–912. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-897-912

Abstract. *Introduction.* The study analyzes the meaning and use of the term ‘*Kalmak*’ in the sixteenth-century *Majmu al-Tawarikh. Goals*. The paper seeks to identify the semantic, ideological, and historical-cultural functions of the term. To facilitate this, the work shall spot certain contexts in which the term appears in the *Majmu al-Tawarikh*, determine its meaning as a marker of religious otherness, and analyze the religious-political dichotomy between Muslims and ‘*Kalmaks*’ within the Uluses of Jochi and Chagatai. *Materials and methods.* The article focuses on published Kyrgyz and Russian translations of the chronicle. In addition, the reliability of identified messages has been verified through comparative insights into a number of writings, such as the *Qara Tawarikh*, *Tarikh-i Ḥamidi*, *Tarikh-i Rashidi*, *Zafarnama*, Materials in the History of the Golden Horde (Collections from Persian Writings), History of Kazakhstan from Persian Sources, as well as the Nogai and Kazakh heroic epics ‘*Edige*’, ‘*Forty Batyrs of Crimea*’, and Kazakh legends. The study is based on the principles of historicism and systemic analysis, and employs the comparative historical and semantic methods. *Results.* It has been established that the term ‘*Kalmak*’ in the *Majmu al-Tawarikh* bears a predominantly ideological connotation, and is used to designate the image of ‘infidels’ and ‘enemies’ — in opposition to Muslims — regardless of ethnic or religious self-identities of designated groups. The analysis of sources makes it possible to assert that the term ‘*Kalmak*’ was taking shape within the Golden Horde under Özbeg Khan, and initially was used to nominate nomadic groups who retained traditional beliefs and rejected Islam. In this context, it is particularly important to distinguish between the concept of ‘*Kalmak*’ as religious-ideological category — and its later use as ethnonym for the Oirat that would be associated with the term in much later periods. In the late fourteenth century, the term ‘*Kalmak*’ had already become widespread enough to move beyond the Golden Horde’s borders as is evidenced, in particular, by its use in the *Zafarnama*. *Conclusions.* In the examined chronicle, the term ‘*Kalmak*’ had no strictly ethnic connotation but rather reflected the religious and political polarization that had developed in the region throughout the fourteenth to sixteenth centuries.

Keywords: *Majmu al-Tawarikh*, Golden Horde, Ulus of Chagatai, *Tarikh-i Rashidi*, *Kalmaks*, Oirats, Özbeg Khan, epic tradition, Islam.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24992878 ‘Ulus of Jochi in the Thirteenth to Fifteenth Centuries: Studies in Ethnopolitical and Socioeconomic History’.

For citation: Jumagaliyev D. A., Sabitov Z. M. *Kalmaks* in the *Majmu al-Tawarikh*: Characterizing the Term and Image. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 897–912. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-897-912

1. Введение

Термин *калмак* представляет собой сложное и многозначное понятие, прочно вошедшее в мусульманскую и европейскую письменные традиции Средневековья и Раннего Нового времени. Его происхождение, семантическая трансформация и закрепление за определенными этническими группами Центральной Азии на протяжении XIV–XVI вв. остаются предметом научных дискуссий. В особенности это касается соотнесения этнонима *калмак* с ойратами, а также с более широкой группой тюрко- и монголоязычного населения, находившегося вне исламского вероисповедания и потому называвшегося термином, отражающим религиозную и культурную инаковость.

Считается, что этноним *калмык*, заимствованный русскими у тюркоязычных народов, первоначально использовался ими для обозначения западных монголов — ойратов [История Калмыкии 2009: 12]. Научное осмысление термина восходит к работам В. В. Бартольда, впервые указавшего на возможность народной этимологизации слова *калмак*, происходящего от тюркского глагола *калмак-* ‘оставаться’. По его мнению, это название обозначало «оставшихся» в язычестве ойратов в противоположность дунганам, которые, напротив, «вернулись» к исповедованию ислама [Бартольд 1968: 538]. Однако позднейшие исследования И. Я. Златкина [Очерки 1967: 53–63], И. И. Дремова [Дремов 2012: 104–117] Ж. М. Сабитова [Сабитов 2014: 134–143] и других существенно углубили и переосмыслили этот подход, предложив интерпретацию термина *калмак* как собирательного обозначения немусульманского кочевого населения Золотой Орды и сопредельных территорий. Изначально это касалось немусульманского кочевого населения Золотой Орды, отказавшихся принять ислам в период правления хана Узбека и «оставшихся в вере отцов», а затем этот термин распространился за пределами Улуса Джучи, охватив кочевников как Улуса Чагатая, Могулистана, так и ойратов. Особое внимание в рам-

ках настоящего исследования уделяется сведениям, содержащимся в сочинении XVI в. «Маджму ат-таварих», авторство которого приписывается Сайф ад-Дину Ахсикенди и его сыну Нур-Мухаммаду [Материалы 1973: 200]. В «Маджму ат-таварих» содержится значительный объем сведений и преданий, касающихся происхождения кыргызских, а также других тюркских и монгольских племен. В данном источнике термин *калмак* неоднократно фиксируется в контексте различных форм взаимодействия с мусульманским населением. Употребление этого термина охватывает широкий круг сюжетов, отражающих военно-политические и социально-культурные связи между калмаками и представителями мусульманской среды.

Таким образом, использование термина *калмак* в «Маджму ат-таварих» и других источниках требует интерпретации в контексте его исторической семантики и идеологической функции. На протяжении XIV–XVI вв. «калмаками» обозначали не столько конкретную этническую группу, сколько совокупность этнических подразделений, не принявших ислам и противопоставленных по признаку религиозной и культурной идентичности. Настоящее исследование направлено на систематизацию и уточнение значения термина *калмак* на основе сравнительного анализа письменных и устных источников.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы настоящего исследования составили средневековые исторические сочинения, в которых встречается термин *калмак* в различных контекстах. Среди них ключевое место занимает труд «Маджму ат-таварих» в кыргызском переводе («Тарыхтардын жыйнагы»), а также русскоязычный перевод и комментарии, подготовленные Т. А. Акеровым. Кроме того, в работе использованы сведения из таких сочинений, как «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Тарих-и Хамиди» Мусы Сайрами, «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара Дуглата, «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али

Йазди, а также эпических и этнографических источников, включая ногайскую поэму «Эдиге», казахские героические эпосы («Едиге», «Сорок батыров Крыма» и т. д.) и данные казахских шежире. Для верификации и сопоставления терминов, а также историко-культурных реалий, использованы сведения из «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (далее — СМИЗО) [СМИЗО 1941], «История Казахстана в персидских источниках» (далее — ИКПИ) [ИКПИ 2007]. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и системности. Принцип историзма позволил рассматривать значение и использование этнонима *калмак* в конкретных социально-политических и религиозных условиях XIV—XVI вв., а также в рамках процессов исламизации и трансформации этнической идентичности в Центральной Азии. Принцип системности обеспечил анализ комплекса источников как взаимосвязанной информационной структуры, позволяющей реконструировать динамику восприятия и трансформации термина *калмак* в различных исторических и географических контекстах.

Основными методами, использованными в ходе исследования, стали сравнительно-исторический и семантический анализ. Сравнительно-исторический метод использовался для сопоставления сведений из различных источников с целью выявления устойчивых признаков, связанных с употреблением этнонима *калмак* и определения его возможной этимологии и исторических функций. Семантический анализ позволил проследить трансформацию значения термина в зависимости от эпохи, региона и авторской позиции. Также применялись элементы идеографического подхода при реконструкции конкретных исторических ситуаций, в которых употребляется рассматриваемый термин.

3. Историография термина *калмак*

Несмотря на то, что этноним *калмак* достаточно широко представлен в исторических источниках, его интерпретация в научной литературе остается предметом дискуссий. В «Маджмуу ат-таварих» сведения о

калмаках занимают особое место, и их анализ позволяет выявить как представления автора о политических противниках, так и элементы народной классификации этнических и религиозных групп.

Впервые идею о религиозной природе этнонима *калмак* в контексте исламизации Золотой Орды высказал И. Я. Златкин [Очерки 1967: 53–63]. В своем исследовании он опирался на текст хроники «Шаджарат аль-атрак» («Родословие тюрков»), где утверждается, что после принятия ислама ханом Узбеком те, кто принял новую веру, стали называться «узбеками», а отказавшиеся — «калмаками», т. е. «обречеными оставаться» [СМИЗО 1941: 206–207]. Аналогичное суждение содержится и в «Тарих-и арба‘ улус» («История четырех улусов») Мирзы Улугбека [ИКПИ 2007: 99]. Тем самым термин *калмак* трактуется как религиозное, а не этническое обозначение, применявшееся к тем, кто остался в языческой вере.

Данная концепция получила развитие в трудах И. И. Дремова, который на основе источников XIV–XVI вв. пришел к выводу, что вначале *калмаками* обобщенно именовали различные монголоязычные и тюркоязычные группы, отказавшиеся от принятия ислама [Дремов 2012: 104–117; Дремов 2013а: 119–129; Дремов 2013б: 317–329; Дремов 2014а: 96–101; Дремов 2014б: 129–137; Дремов 2015: 62–81]. И. И. Дремов выделил два ключевых аспекта: территориальный — *калмаки* расселялись в пограничных, труднодоступных районах Улуса Джучи, Мавераннахра и Могулистана [Дремов 2014а: 100] — и социально-религиозный — термин *калмак* отражал противопоставление мусульманам [Дремов 2014б: 135]. По мнению исследователя, лишь позже это нарицательное наименование приобрело этнический статус и стало ассоциироваться с ойратами [Дремов 2013б: 328; Дремов 2015: 76].

Особый вклад в изучение религиозно-этнической составляющей термина *калмак* внес Б. У. Китинов, рассматривающий его как изначально географическое обозначение, позднее приобретшее религиозно-культурный смысл и использовавшееся

для обозначения немусульманских кочевников Центральной Азии, в том числе ойратов и других монгольских и тюркских групп [Китинов 2018: 277].

Интересный подход предложил Ж. М. Сабитов, выдвинувший гипотезу, согласно которой упоминаемые И. Шильтбергером «*кайтаки*» — это искаженное название калмаков [Сабитов 2014: 138]. В этой работе исследователь отметил, что в XIV–XVI вв. калмаки представляли собой особую группу золотоордынских кочевников, не принявших ислам и впоследствии разделившихся на «чёрных» (каракалпаков) и «белых» (теленгутов и алтайцев). При этом каракалпаки, согласно Ж. М. Сабитову, переселились в Среднюю Азию, а теленгуты оказались в составе ойратских союзов, позднее тоже получивших название калмыков [Сабитов 2014: 141–142]. А. К. Алексеев, анализируя статус калмаков при дворе Аштарханидов, подчеркивает их отличия от калмыков (джунгаров). В источниках калмаки упоминаются как часть узбекских кочевых племен *илатийа*, в то время как джунгары чаще поступали ко двору в статусе гуламов и использовались как гвардейцы [Алексеев 2006: 168].

В. М. Жирмунский, изучавший казахские эпические сказания, отмечал, что образ калмаков в этих произведениях носит анахронический характер, в позднейших эпических сказаниях они становятся типичными, стереотипизированными противниками [Жирмунский 1974: 396–397], что указывает на их сравнительно позднее внедрение в эпическую традицию [Жирмунский 1974: 500].

При этом мы считаем, что использование терминов Ногай (Ногайлы) и Калмак катерально предков Едиге (Аншибай, Парпари) в тюркском героическом эпосе отражает противоборство «мусульманской партии» Ногая и «буддийской партии» Сальджидайтургена и Муртад-Токты (Тама-Токты) в 1290-х гг. в Улусе Джучи.

Отдельные аспекты, связанные с употреблением термина *калмак* в эпической традиции, также находят отражение в работах, посвященных анализу эпоса «Манас» [Reichl 2020: 188]. В эпической традиции

киргызов, как показывает К. Райхль, калмаки устойчиво соотносятся с ойратами, что отражает более поздний пласт исторической памяти, связанный с реальными военными столкновениями конца XVI – начала XVII вв.

Анализируя текст «Маджму ат-таварих» Т. А. Тагирджанов отмечает, что сведения о борьбе с калмаками, вероятно, основаны на реальных исторических событиях, связанных с проникновением ойратов в Семиречье и Могулистан [Тагирджанов 1960: 38]. В. А. Ромодин в свою очередь допускал, что термин *калмак* в данном сочинении использовался как анахроничное обозначение различных немусульманских враждебных племен и народностей [Материалы 1973: 203].

В качестве основных результатов настоящего исследования предлагается авторская интерпретация употребления термина *калмак*, основанная на данных, которые выявлены в процессе анализа источника «Маджму ат-таварих» в кыргызском и русском переводах. Для проведения сопоставительного анализа были привлечены материалы ряда предшествующих исследований, в том числе работы А. Т. Тагирджанова [Тагирджанов 1960] и В. А. Ромодина [Ромодин 1963].

4. Мусульмане и *калмаки* в политической борьбе Улуса Чагатая»

Одним из важнейших факторов, повлиявших на политическую эволюцию Улуса Чагатая в XIV в., стала религиозная трансформация, связанная с распространением ислама среди чингисидской элиты. Одним из первых чагатайдских правителей, принял ислам, был Тармаширин-хан, принял после обращения имя Ала ад-дин [Бартольд 1963: 76]. Однако его переход в мусульманство вызвал недовольство среди монгольской знати, сохранявшей приверженность шаманистским традициям, что в условиях противостояния оседлой мусульманской и кочевой партий привело к восстанию под предводительством Бузана, спровоцированному, в частности, нарушением Ясы и пренебрежением кочевыми обычаями со стороны хана [Караев 1995: 41].

Судя по имеющимся данным, Бузан, несмотря на приверженность исламу, продолжал придерживаться традиционных народных обычаев. В сочинении «Мунтахаб ат-таварих» упоминается о его «безумии», истреблении своих родичей [ИКПИ 2007: 59], а также о враждебности к мусульманам [Бартольд 1963: 76]. После его устранения власть перешла к Джанкши, который выступал противником ислама и «во всех делах, в большом и малом советовался с буддийскими монахами» [ИКПИ 2007: 58]. Этот правитель отождествляется с Чонгчи-калмаком, фигурирующим в «Маджму ат-таварих» [Ромодин 1963: 37]. Его преемник, брат Есун-Тимур, вскоре был убит Али-султаном, который, согласно источникам, проводил репрессии как против христиан, так и мусульман [Бартольд 1963: 76].

Внутренняя борьба между сторонниками исламизации и ее противниками в Улусе Чагатая существенно ослабила центральную власть, что впоследствии привело к политическому расколу: мусульманская партия укрепилась в Мавераннахре, тогда как противники сосредоточились в Могулистане. Эти события свидетельствуют о наличии устойчивого конфликта между мусульманами и «калмаками» также и в пределах Улуса Чагатая.

5. Термин *калмак* в тимуридской и постордынской традиции

Термин *калмак* впервые фиксируется в источниках в сочинении «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди, где он упоминается в контексте прибытия в 1398 г. ко двору эмира Тимура Тайзи-оглана, бежавшего от калмаков в Великом Юрте¹ [Йазди 2008: 221]. Впервые на это обратил внимание В. В. Бартольд, подчеркивая, что в данном случае речь идет не об этнографическом, а о географическом термине [Бартольд 1968: 538]. Согласно одной из версий, Тайзи-оглан отождествляется с Дельбек-ханом — представителем линии потомков Ариг-Буги [Сабитов 2016: 111–113]. Другая группа исследователей отождествляла Тайзи-оглана, упомяну-

того в «Зафар-наме», с Ульдзей-Тимуром, бежавшим от Угэчи Хашаги [Петров 1961: 158]. Согласно мнению К. И. Петрова, под правителем калмаков, о котором говорится в данном источнике, следует понимать именно Угэчи, стремившегося установить власть над калмаками (ойратами) [Петров 1961: 158]. Если данное мнение верно, то это позволяет заключить, что в «Зафар-наме» термин *калмак* использовался как экзоэтнический для обозначения ойратского этнополитического объединения. Во второй раз в «Зафар-наме» «калмаки», названные как «неверные», появляются в контексте описания похода в Китай после смерти Тимура [Йазди 2008: 346]. Представляется обоснованным полагать, что под калмаками в данном случае следует понимать ойратов и, возможно, монголов [Lee 2016: 164] в контексте их религиозной принадлежности, т. е. как язычников, а не как этнический в узком смысле. Поскольку в данном фрагменте в отношении калмаков используется религиозная характеристика — «неверные», это, по нашему мнению, отражает устоявшуюся в Улусах Джучи и Чагатая терминологию применявшуюся к кочевому населению «оставшихся в вере отцов». Иными словами, такая терминология служила средством противопоставления мусульманских и немусульманских сообществ в рамках религиозно-идеологического нарратива, характерного для того времени. В другом фрагменте того же сочинения «Калмак» упоминается как географическая область наряду с такими регионами, как Дашиб-и Кипчак, Рум, Рус, Черкас и Булгар [Йазди 2008: 356], что позволяет интерпретировать его как наименование территории, населенной калмаками, под которой, по-видимому, подразумевается собственно Монголия. В связи с этим некоторые исследователи пришли к выводу о том, что уже в эпоху Чингис-хана под названием «Калмак» подразумевались территории Западной и Юго-Западной Монголии [Китинов 2018: 277]. Однако прямые указания на это в средневековых источниках отсутствуют. Таким образом, употребление термина *калмак* в «Зафар-наме» свидетельствует о сформировавшейся традиции использовать данный термин для описания кочевых сообществ,

¹ Под Великим Юртом следует понимать собственно территорию Монголии, находившуюся под властью потомков Толуя и Угедея.

сохранявших приверженность доисламским и неисламским религиозным верованиям. В этом контексте термин *калмак* представлял собой не столько этническое или географическое обозначение, сколько религиозно-идеологическую категорию, применявшуюся в отношении немусульман («неверных»). В сочинении «Тарих-и Хамиди» муллы Мусы Сайрами, представляющем собой поздний источник, автор называет Алан-Гоа и ее народ калмаками, отмечая их поклонение солнцу и луне [Sayrami 2023: 20, 31]. В тексте также прослеживается различие между калмаками и монголами [Sayrami 2023: 20, 30, 31], однако эти термины иногда употребляются как взаимозаменяемые. Более того, территория Монголии в ряде эпизодов обозначается как страна калмаков [Sayrami 2023: 25], что, вероятно, может говорить о переносном или условно-обобщающем характере употребления этнонима *калмак* в данном источнике. Вместе с тем, учитывая, что сочинение было создано в начале XX в., содержащиеся в нем сведения, включая анахроничные утверждения, следует воспринимать скорее как отражение исторических представлений мусульманской среды Восточного Туркестана того периода, чем как достоверные данные о реалиях более раннего времени.

В «Кара Таварих» термин *калмак* используется в отношении эмира Ток-Буги и его окружения — противников Узбек-хана, узурпировавших золотоордынский трон [Утемиш-хаджи 2017: 42]. Учитывая, что Ток-Буга и его сторонники не исповедовали ислам, употребление данного термина служило для обозначения их как представителей немусульманской группы. Это позволяет предположить, что термин *калмак* первоначально носил религиозно-мировоззренческую окраску и применялся к представителям тюрко-монгольских групп, не принявших ислам. Следовательно, с определенной долей вероятности можно утверждать, что широкое употребление термина *калмак* начинается лишь после исламизации Золотой Орды, в частности, после правления Узбек-хана, при котором ислам был провозглашен государственной религией. Таким образом, возникновение и распространение

термина *калмак*, скорее всего, связано с формированием мусульманской идентичности и необходимостью выделения немусульман.

6. Термин *калмак* в «Маджму ат-таварих»

В «Маджму ат-таварих» важное место занимает племя *калмак*. Впервые они упоминаются в разделе, посвященном горцам, где калмаки представлены как потомки одного из девяносто двух человек, принявших ислам и ставших последователями Пророка Мухаммада [Акеров 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30]. Согласно тексту, духовным наставником *пиром* этих людей по завещанию Пророка становится Шаймардан¹. В данном фрагменте прослеживается намерение автора подчеркнуть, что данные племена издавна находились под духовным покровительством касанских шейхов, выступая в роли их мюридов.

Особое внимание заслуживает указание на происхождение 92 «племен илатий» от тех самых девяноста двух горцев. Такая структура родословной представляет собой характерный прием исламизированной этногенетической традиции, направленной на легитимацию родоплеменного происхождения через связь с ранними сподвижниками ислама. Это также может быть интерпретировано как попытка обосновать духовную и политическую иерархию племен через систему мюридизма, связанного с авторитетом суфийских наставников.

Как было отмечено в ряде исследований, наиболее ранняя фиксация списка 92 племен илатий», также известных как 92 «узбекских» племени, содержится именно в «Маджму ат-таварих» [Материалы 1973: 202; Султанов 1982: 45]. Сам автор сочинения отмечает, что данный список он заимствовал из труда «Тарихи Зубдат ал-Башар» [Акеров 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30]. В «Маджму ат-таварих» нарративная структура выстроена таким образом, чтобы подчеркнуть и утвердить мусульманскую идентичность, ассоциируемую с термином *узбек* [Holzwarth 2006: 121]. Ха-

¹ Либо Шах-и Мардан, «Предводитель храбрых» одно из прозвищ четвертого праведного халифа Али, зятя Пророка Мухаммеда.

рактерно, что автор сочинения сознательно начинает изложение с перечня «узбекских» племен, в который включается и племя *калмак*. Такое включение, по-видимому, носит неслучайный характер и отражает историческую память о периоде подчинения этих племен, в том числе «калмаков», власти Узбек-хана. В данном перечне племя *калмак* указано под номером 11 [Актеров 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 30; Султанов 1982: 29, 40, 42–43], тогда как племя *кыргыз* — лишь под номером 13. Как уже отмечалось, порядок перечисления племен в данном списке, по-видимому, отражал их политическое значение в регионе составления [Султанов 1982: 47]. Далее в сочинении указывается, что часть этих племен переселилась в Рум, другие обосновались в Фергане и Мавераннахре, а племена *казак* и *калмак* ушли в Дашт-и Кипчак [Актеров 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 32; Ромодин 1963: 5]. Похожий сюжет содержится и в казахских преданиях и шежире, в которых говорится, что Казах и Калмак были родными братьями, однако между ними произошла ссора из-за того, что они не смогли поделить молоко пегой кобылы [Артыкбаев 2012: 222]. В одном из преданий, зафиксированных М. Ж. Копеевым, соседями казахов в междуречье Есиля и Нуры упоминаются ногаи, а также каракалмаки, обитавшие в горных районах Ультау и Кичитау [Бабалар 2012: 33–35]. В этом предании правителем кала калмаков назван Катысыбан-хан, в котором исследователи усматривают представителя династии Шибанидов [Кузембайулы, Абиль 2024: 811]. Представляется допустимым предположение о том, что отдельные представители шибанидской династии могли занимать правящие позиции среди групп, обозначаемых в источниках как каракалмаки.

Вышеуказанные казахские предания находят подтверждение и в письменных источниках. Так, в донесении русского посланника в Ногайской Орде Данилы Губина, датируемом 1534–1535 гг., сообщается о том, что казахи совместно с покоренными ими калмаками представляли угрозу для восточных владений ногаев [Atygayev 2023: 451]. На наш взгляд, упомянутые в источни-

ке калмаки представляют собой не отдельные «группы ойратов, откочевавших далеко на запад» [Atygayev 2023: 451], а местных кочевников Восточного Дашт-и Кипчака [Дремов 2014а: 96, 99], сохранивших приверженность традиционным верованиям и не принявших ислам [Дремов 2014а: 98; Lee 2016: 164]. Примечательно, что в списках В 667 и № 963 «Маджму ат-таварих» племена *казак* и *каракалп(ф)ак* отсутствуют, они упоминаются лишь в Бишкекском (Фрунзенском) списке под номерами 90 и 92 соответственно [Актеров 2017: 26; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 32; Султанов 1982: 33]. Такая вариативность может свидетельствовать либо о более поздней редакционной вставке в Бишкекский список, либо о наличии альтернативной традиции составления перечня племен. Особенно показательно в этом контексте упоминание каракалпаков, первое достоверное фиксирование которых в письменных источниках датируется только 1598 г. [Материалы 1935: 34]. По нашему мнению, это может указывать на более позднюю датировку Бишкекского списка либо на отражение в нем этнополитических реалий, характерных для позднего исторического периода по сравнению с остальными списками. В то же время племя *калмак* упоминается во всех известных списках, что свидетельствует о его устойчивом присутствии в этнополитической картине региона, зафиксированной в «Маджму ат-таварих». Данный факт может указывать как на относительно раннее включение этнонима *калмак* в текст, так и на его более значимую политическую роль по сравнению с упомянутыми выше группами, чье появление в источнике, вероятно, связано с изменениями этнического состава и политических реалий на момент составления или переработки конкретной версии списка. Согласно тексту «Маджму ат-таварих», калмаки изначально были последователями ислама, однако с течением времени перешли к идолопоклонству [Актеров 2017: 26–27; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 33–34]. Этот сюжетный фрагмент представляет собой своего рода введение в последующую историческую судьбу калмаков, где отступление от веры подается как ключевой переломный момент

в их этноконфессиональной идентичности. Подобная интерпретация свидетельствует о попытке автора сочинения осмысливать историю калмаков в парадигме исламской историографии, где отступление от ислама рассматривается как величайший грех. Тем самым формируется основа для интерпретации особого статуса калмаков в последующем историческом контексте, включая характер их взаимодействия с мусульманскими народами, которое нередко приобретало напряженность или конфликтные черты в более поздние периоды.

Во многих эпических произведениях тюркских народов калмаки, как правило, выступают в качестве основных противников главных героев. В этих произведениях термин *калмак* употребляется в значении «враг» и зачастую применяется по отношению к противникам, которые фактически не являлись ойратами, но при этом описывались и именовались калмаками [Somfai Kara 2010: 171]. Как известно, в «Маджму ат-таварих» представлена одна из самых ранних версий эпоса «Манас» [Тагирджанов 1960: 26–27]. Калмаки в «Маджму ат-таварих» также предстают в качестве главных противников богатыря Манаса. Как и в эпосе, между образом Манаса в «Маджму ат-таварих» и сведениями из устной традиции наблюдаются определенные параллели. Образ Манаса и его сорока сподвижников в «Маджму ат-таварих» находит отражение и в казахской эпической традиции, в частности в поэме «Ер Кокше», где Манас представлен как близкий соратник и верный друг главного героя [Бабалар 2007: 87–88]. В свою очередь в кыргызском эпосе «Манас» фигурирует персонаж по имени Кокче, дядя Манаса по материнской линии [Hatto 1969: 225–226]. Наличие таких перекрестных персонажей и сюжетных мотивов свидетельствует о тесной взаимосвязи эпических традиций казахов и кыргызов, а также о взаимном культурном заимствовании и переосмыслении героических образов в рамках общего тюркского эпического пространства.

В «Маджму ат-таварих» сообщается, что Манас родился в местности Каркара, а его отцом назван Жакып-бек. При этом, если в

эпосе не указывается принадлежность Манаса к какому-либо племени, то в «Маджму ат-таварих» и он, и его отец Жакып-бек — выходцы из племени кипчаков [Абдуманапов 2015: 46]. Одним из главных противников Манаса в «Маджму ат-таварих», так же как в эпосе, выступают Жолой и его сын Камар ад-дин, которые являются правителями калмаков. При этом известно, что Камар ад-дин принадлежал к племени *дуглат* [Хафиз-и Таныш 1983: 93] и в течение некоторого времени занимал положение одного из правителей Могулистана [ИКПИ 2007: 62; Хафиз-и Таныш 1983: 94]. Как известно из сочинения «Тарих-и Рашиди», в период обращения хана Тоглук-Тимура в ислам, мусульманство приняли около 160 тысяч человек из числа его подданных [Дулати 1999: 42]. Представляется вероятным, что среди них находились и представители дуглатской аристократии, игравшие важную роль в политической жизни Могулистана. Не исключено, что имя Жолой представляет собой «языческое» имя Камар ад-дина [Сабитов, Камбарбекова 2018: 73], зафиксированное в источнике до его обращения в ислам. Подобная двойственность имен и статусов характерна для повествований, находящихся на стыке исторической хроники и эпической поэтики, где религиозная трансформация персонажа может служить важным идеологическим маркером.

В рассматриваемом тексте в отношении Камар ад-дина первоначально употребляется термин *калмак*, что, вероятно, отражает его религиозную принадлежность на раннем этапе — до принятия ислама. Позднее в повествовании он уже предстает мусульманином [Акеров 2017: 65; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 81], что подчеркивает переходный характер его статуса в рамках нарратива. Употребление этнонима *калмак* в данном контексте, таким образом, не столько указывает на конкретную этническую принадлежность, сколько выполняет функцию религиозно-идеологической маркировки, противопоставляющей героя и его противников. Этот же подход прослеживается и в одном из вариантов эпоса «Едиге», где Камар ад-дин также упоминается с эпитетом «калмук» [Эдиге 2016: 118–120], что подтверждает устойчи-

вость традиции использования термина в значении «враг» или «неверный» по отношению к противной стороне.

Следует отметить, что практически у каждого тюркского племени существовала своя эпическая традиция, выраженная в форме героических песен, передававшихся устно из поколения в поколение. Например, «Шора-батыр» у татарцев, «Ер Кокше» и «Ер Косай» у уаков, «Алпамыс» у коныратов, «Кобланды-батыр» у кипчаков. В этом контексте представляется допустимым предположение, что первоначальная версия эпоса о Манасе могла возникнуть в среде кыргызских кипчаков и отражать память об их борьбе с представителями племени *дуглам* в политическом пространстве Могулистана.

Другой эпический противник Манаса — китайский хан Алооке — в «Маджму ат-таварих» упоминается под именем Халаку-хан (Алооке), у которого, согласно тексту, рождается сын по имени Абкахан [Акеров 2017: 44; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 54]. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что за этими именами скрываются фигуры Хулагу-хана и его сына Абага-хана, представителей ильханидской династии.

Примечательно, что в «Маджму ат-таварих» противники и враги Тохтамыш-хана, союзника Манаса, такие как Пулат-хан, мангыты Жамгырчи и Кийикбат, не обозначаются термином *калмак*. Это позволяет предположить, что использование данного термина в источнике носит избирательный характер: автор рукописи называет «*калмаками*» преимущественно тех, которые выступают противниками Манаса и его союзников в Могулистане. Таким образом, термин приобретает не столько этническую, сколько идеологическую или политico-религиозную нагрузку, отражая позицию автора в оценке событий и действующих лиц.

Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в сочинении «Тарих-и Рашиди», где прослеживается четкое религиозное разграничение между различными этнополитическими группами. В частности Мухаммад Хайдар подчеркивает контраст между монголами и кыргызами, отмечая, что «*моголы приняли ислам и слились с мусульманами, а киргизы так и остались в неверии и по этой*

причине отмежевались от моголов» [Дулати 1999: 178]. Это противопоставление, как нам представляется, отражает идеологическую установку автора и служит средством маркировки религиозной границы между исламизированными и сохраняющими языческие (или иные немусульманские) верования сообществами.

Другим объяснением неупотребления термина *калмак* относительно Пулата и его соратников может выступать объяснение согласно которому разные части «Маджму ат-таварих» были заимствованы из разных сочинений. Одно из них, послуживших источником для «Маджму ат-таварих» (в частности «Тарихи Зубдат ал-Башар» или «Тарихи Могулия»), содержало широкое употребление термина *калмак*, тогда как повествование о походе хана Пулата было заимствовано из иного источника или основано на устном рассказе очевидца событий вероятно, того же информатора, который сообщил сведения о биографии Манаса, Кара-Ходжи, Коку-мурзы и других персонажей. Интересно, что в «Маджму ат-таварих» отец Чингис-хана, Есугей-бахадур (по прозвищу Тугдар-хан), представлен как мюрид суфийского тариката [Акеров 2017: 35; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 43], который, по словам автора, даже выдал свою dochь замуж за имама Али Зарбагыша [Акеров 2017: 22; Тарыхтардын жыйнагы 2016: 25]. Очевидно, что представленная в «Маджму ат-таварих» мусульманская биография Есугей-бахадура является результатом сознательной идеологической конструкции, направленной на исламизацию родословной Чингисидов и приданье их власти религиозной легитимации. Включив Есугея в контекст суфийской традиции, автор стремится показать, что династическая власть потомков Чингис-хана основывалась не только на праве завоевания, но и обладала духовной санкцией, исходящей от признанных мусульманских авторитетов. Тем самым создается образ правящей династии, органично вписанной в исламскую культурно-религиозную систему.

Такие произведения, как «Маджму ат-таварих», имели выраженную политическую направленность и были ориентированы на

прославление суфийских шейхов Ферганы, что в свою очередь способствовало укреплению их авторитета и влияния среди кочевых племен [Hatto 1997: 99]. Можно предположить, что в рассматриваемом случае речь идёт прежде всего о стремлении утвердить свое влияние среди кыргызских племен. Отражением этой идеологической установки может служить и образ врага, противопоставленного мусульманскому герою Манасу. В эпической традиции кыргызов калмаки представлены как собирательный образ внешнего врага, при этом их идентичность на протяжении столетий неоднократно менялась — от захватчиков, вторгавшихся из Улусов Джучи и Чагатая, до ойратских племен и маньчжуров [Somfai Kara 2025: 121].

Анализ содержания «Маджму ат-таварих» позволяет выдвинуть возможное объяснение относительно использования термина *калмак* в данном источнике. Вполне вероятно, что группы, обозначенные как «*калмаки*» и представленные противниками Манаса, на самом деле идентифицировали себя как мусульмане, однако автор рукописи, руководствуясь собственными религиозно-идеологическими установками, не признавал их таковыми [Сабитов, Камбарбекова 2018: 75]. Такое употребление термина могло отражать не столько фактическую религиозную принадлежность, сколько восприятие и интерпретацию автора, основанную на критериях «свой» — «чужой». Подобная практика была характерна для исламских государств, где обвинения в неверии (куфре) в отношении мусульман или людей, считающих себя мусульманами, часто использовались как идеологическое оружие различными группами во всей истории ислама. То, что Мухаммед Шейбани пытался представить казахов немусульманами и объявить против них священную войну [Рузбихан 1976: 103], абсолютно не отражает степень распространённости ислама среди казахов. Подобные действия свидетельствуют, прежде всего, о стремлении Мухаммеда Шейбани получить идеологическое обоснование для войн с противниками. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении монголов. Согласно дуглатской точке зрения, отраженной в «Тарих-и Рашиди», дуглаты представлены «хорошими мусульманами», а кыргызы (одно из монгольских племен) описываются «плохими мусульманами». В «Маджму ат-таварих» мы видим противоположную картину. Кыргызы и их родоначальники изображаются мусульманами и мюридами суфийского тариката «Ишкийя», в то время как один из лидеров дуглатов с мусульманским именем Камар ад-дин назван калмаком, т. е. немусульманином.

Термин *калмак*, по всей видимости, сформировался в пределах Золотой Орды при Узбек-хане и первоначально применялся для обозначения кочевых групп, сохранивших приверженность традиционным верованиям и отказавшихся от принятия ислама. На раннем этапе его употребления это обозначение носило скорее религиозно-мировоззренческий, а не географический и этнический характер и служило маркером идеологического разграничения между мусульманским и немусульманским кочевым населением. В этом контексте представляется важным разграничивать понятие *калмак* в его идеологически-религиозной функции и наименование ойратов, к которым данный термин был отнесен значительно позже. Уже к концу XIV в. термин *калмак* получил широкое распространение и начал использоваться за пределами Золотой Орды, что, в частности, подтверждается его упоминанием в историческом сочинении Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафар-наме».

7. Заключение

Анализ содержания «Маджму ат-таварих» позволяет предположить, что употребление в тексте термина *калмак* имело, прежде всего, идеологическую нагрузку. Он применялся для обозначения образа «неверного» и «врага» по отношению к герою или его племени, что соответствует распространенной в мусульманской историографической традиции бинарной оппозиции между «правоверными» и «неверными». Следует отметить, что значительная часть лиц, обозначенных в «Маджму ат-таварих» термином *калмак*, вполне возможно, воспринимала себя как мусульмане или, по крайней мере, не отождествляла себя с «неверными». Однако в силу идейной и религиозной направленности автора сочинения они были

представлены в источнике как противники ислама и охарактеризованы термином, маркирующим их как «неверных».

Таким образом, материалы «Маджму ат-таварих» отражают сложную картину восприятия и репрезентации калмаков как символа религиозного и культурного иного. Употребление этого термина автором сочинения относится с широкой средневековой традицией разграничения «своих» и «чужих» по религиозному признаку, что в дальнейшем трансформировалось в этническую классификацию.

При этом «Маджму ат-таварих» представляет собой ценный источник не только по истории Улуса Чагатая, но и по истории

Улуса Джучи. Особый интерес вызывает альтернативный взгляд, представленный в сочинении, на процессы формирования и трансформации государственных образований: разделение проводится не столько по династическим линиям (чагатаидов и джучидов), сколько по религиозному признаку — между мусульманами и немусульманами. Таким образом, источник отражает специфическую историческую картину мира, характерную для интеллектуальной и духовной среды региона, и раскрывает восприятие истории улусов сквозь призму религиозной идентичности и идеологических предпочтений автора.

Литература

- Абдуманапов 2015 — Абдуманапов Р. А. Кипчаки в этногенезе кыргызов. Бишкек: Из-Басма, 2015. 200 с.
- Акеров 2017 — Акеров Т. А. Маджму ат-Таварих как исторический источник. Перевод, анализ и comment. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.
- Алексеев 2006 — Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрап. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2006. 229 с.
- Артықбаев 2012 — Артықбаев Ж. О. Казахское шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын Кітап, 2012. 495 с.
- Бабалар 2007 — Бабалар сөзі: Жұзтомдық (= Слова предков). Т. 44: Батырлар жыры. Астана: Фолиант, 2007. 496 б.
- Бабалар 2012 — Бабалар сөзі: Жұзтомдық (= Слова предков). Т. 83: Шежірелік аныздар. Астана: Фолиант, 2012. 448 б.
- Бартольд 1963 — Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1963. 1020 с.
- Бартольд 1968 — Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. 757 с.
- Дулати 1999 — Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди (= Рашидова история) / пер. с перс. яз. 2-е изд. доп. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

References

- Abdumanapov R. A. Kipchaks in Kyrgyz Ethnogenesis. Bishkek: Iz-Basma, 2015. 200 p. (In Russ.)
- Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)
- Alekseev A. K. Political History of the Tuqa-Timurids: Evidence from The Sea of Secrets (Bahr al-Asrar). St. Petersburg: St. Petersburg University, 2006. 229 p. (In Russ.)
- Artykbayev Zh. O. Kazakh Shezhire: A Source and Historical Concept of the Great Steppe. Astana: Altyn Kitap, 2012. 495 p. (In Russ.)
- The Words of Ancestors. In 100 vols. Vol. 44: Heroic Poems. Astana: Foliant, 2007. 496 p. (In Kaz.)
- The Words of Ancestors. In 100 vols. Vol. 83: Genealogical Legends. Astana: Foliant, 2012. 448 p. (In Kaz.)
- Bartold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 1: General Studies in Central Asian History. Moscow: Nauka – GRVL, 1963. 1020 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Writings. Vol. 5: Studies in the History and Philology of Turks and Mongols. Moscow: Nauka – GRVL, 1968. 757 p. (In Russ.)
- Mirza Muhammad Haidar Dughlat. Tarikh-i Rashidi (The History of Rashid). Second edition, suppl. Almaty: Sanat. 1999. 656 p. (In Russ.)

- Дремов 2012 — Дремов И. И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Вып. 3. Элиста: КалмГУ, 2012. С. 104–117.
- Дремов 2013а — Дремов И. И. Золотая Орда и возникновение этнонима «Калмак» // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 119–129.
- Дремов 2013б — Дремов И. И. Калмаки XIV–XVI веков между Волгой и Иртышом и калмыцкий эпос «Джангар» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1(39). С. 317–329.
- Дремов 2014а — Дремов И. И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 96–101.
- Дремов 2014б — Дремов И. И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака XV–XVI вв. и средневековая Русь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3(57). С. 129–137.
- Дремов 2015 — Дремов И. И. Происхождение и распространение этнонима «калмак» // Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова). СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 62–81.
- Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- ИКПИ 2007 — История Казахстана в персидских источниках. Т. 5 / сост. М. Х. Абусеитова. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. Алматы: Даик-Пресс, 2007. 476 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Йазди 2008 — Йазди Шараф ад-Дин Али. Завоевание (Книга побед амира Тимура) / предисл., пер. со староузб., comment., указатели и карта А. Ахмедова; ред. Б. И. Кнопов. Ташкент: San'at, 2008. 486 с.
- Караев 1995 — Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.
- Dryomov I. I. Qalmaqs of Central Asia in the fourteenth to sixteenth centuries. *Vestnik Prikasiya. Arkheologiya. Istoriya. Ethnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 104–117. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Qalmaq: Golden Horde and emergence of the ethnonym. *Voprosy Istorii (Questions of History)*. 2013. No. 3. Pp. 119–129. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of 14th–16th centuries of the Volga-Irtysh area and Kalmyk Epic of Jangar. *Problems of History, Philology, and Culture*. 2013. No. 1(39). Pp. 317–329. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of Desht-i-Kipchak (To the problem of Turkization and the Islamization of Mongolians in the Gold Horde). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2014. Vol. 14. No. 4. Pp. 96–101. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Kalmaks of East Desht-i-Kipchak of the 15th–16th centuries and medieval Russia. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. 2014. No. 3(57). Pp. 129–137. (In Russ.)
- Dryomov I. I. Qalmaq: Origin and dissemination of the ethnonym. In: Matveeva P. A., Rezvan E. A. (comps.) *Primus inter pares: Celebrating the 175th Birth Anniversary of Vasily V. Radlov*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, 2015. Pp. 62–81. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Turkic Heroic Epic. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)
- Abuseitova M. Kh. (comp.) *History of Kazakhstan from Persian Sources*. Vol. 5: Collections from Thirteenth-Nineteenth Century Writings. Almaty: Daik-Press, 2007. 476 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Sharaf al-Din Ali Yazdi. *Zafarnama* (Book of Victories [of Amir Timur]). A. Akhmedov (foreword, transl., etc.), B. Knopov (ed.). Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)
- Karaev O. K. Chagatai Ulus. State of Qaidu. Moghulistan. The Shaping of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan. 1995. 160 p. (In Russ.)

- Китинов 2018 — Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281.
- Кузембайулы, Абиль 2024 — Кузембайулы А., Абиль Е. Шибан в исторических преданиях казахов // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2024. Т. 11. № 4. С. 796–813.
- Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института востоковедения / ред. изд. А. Н. Самойлович. Т. VII. М.; Л.: АН СССР, 1935. 299 с.
- Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В. А. Ромодин. Вып. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 280 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Петров 1961 — Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. / отв. ред. Б. К. Пашков. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1961. 212 с.
- Ромодин 1963 — Извлечения из «Маджму ат-Таварих» / пер. с перс., введ. и comment. В. А. Ромодина. Л., Июль–ноябрь, 1963. 110 с.
- Рузбихан 1976 — Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой; под ред. А. К. Арендса. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 197 с.
- Сабитов 2014 — Сабитов Ж. М. Калмаки Восточного Даши-Кыпчака в XIV–XVI веках // Global Turk. № 3/4. 2014. С. 134–143.
- Сабитов 2016 — Сабитов Ж. М. «Шаджарат ал-Атрак» (Родословие тюрков) и «Улус-и арба-йи Чингизи» как источники по истории государства Толуя (1300–1430-е годы) // Мемлекет тарихы. 2016. № 4. С. 109–117.
- Сабитов, Камбарбекова 2018 — Сабитов Ж. М., Камбарбекова Г. А. Сведения о Токтамыш-хане из «Маджму ат-таварих» // Тюркологические исследования. Серия: История и археология. 2018. Т. 1. № 4. С. 67–82.
- Kitinov B. U. Kalmak and Oirats: Toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. *RUDN Journal of World History*. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 270–281. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281
- Kuzembaiuly A., Abil Ye. Shiban in the historical legends of the Kazakhs. *Asian Journal «Steppe Panorama»*. 2024. Vol. 11. No. 4. Pp. 796–813. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2024_11_4_796-813
- Samoylovich A. N. (ed.) Materials on Karakalpak History. Collected papers (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 7). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 299 p. (In Russ.)
- Romodin V. A. (ed.) The Kirghiz and Kirghizia: Historical Materials. Vol. 1. Moscow: Nauka – GRVL, 1973. 280 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Essays in the History of the Kalmyk ASSR: The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Petrov K. I. Kirghizes on the Way to the Tian Shan, and Their Relations with Oirats: Thirteenth to Fifteenth Centuries. B. Pashkov (ed.). Frunze: Kirghiz SSR Academy of Sciences, 1961. 212 p. (In Russ.)
- Majmu al-Tawarikh: Collections. V. Romodin (transl., foreword, etc.). Leningrad, 1963. 110 p. (In Russ.)
- Fazlallah b. Ruzbihan Isfahani. Mihman-Nama-i Bukhara (Notes of a Guest from Bukhara). R. Dzhalilova (transl., foreword, etc.), A. Arends (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1976. 197 p. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. The Kalmaks of Eastern Dasht-i Qipchaq in the 14th–16th centuries. *Global Turk*. 2014. No. 3/4. Pp. 134–143. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. Shajarat al-Atrak (Genealogy of the Turks) and Ulus-i arba-yi Chingizi as sources on the history of the state of Tolui (1300–1430s). *Memleket tarihy*. 2016. No. 4. Pp. 109–117. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M., Kambarbekova G. A. Information about Toktamыш Khan from Majmu al-Tavarikh. *Turkological Studies. Series: History and Archaeology*. 2018. Vol. 1. No. 4. Pp. 67–82. (In Russ.)

- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Т. 2. М., Л.: АН СССР, 1941. 307 с.
- Султанов 1982 — Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, ГРВЛ, 1982. 134 с.
- Тагирджанов 1960 — «Собрание истории» Маджму Ат-Таварих. Фотографическая репродукция, отрывок текста, введение, указатели / подгот. А. Т. Тагирджанов. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 200 с.
- Тарыхтардын жыйнагы 2016 — Тарыхтардын жыйнагы («Мажму ат-таварих») / котор. М. Досболов, О. Сооронов. Бишкек: Салам, 2016. 160 б.
- Утемиши-хаджи 2017 — Утемиши-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. на russ. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
- Хафиз-и Таныш 1983 — Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи-шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 536 с.
- Эдиге 2016 — Эдиге: ногайская эпическая поэма / под. ред. Н. Х. Суюновой. М.: Наука, 2016. 512 с.
- Atygayev 2023 — Atygayev N. A. Qazaq-Qalmaq Relations in the 16th Century // *Qazaq Historical Review*. 2023. T. 1. № 4. Pp. 446–457.
- Hatto 1969 — Hatto A. T. The birth of Manas // *Asia Major: A British Journal of Far Eastern Studies*. 1969. Vol. XIV. Part 2. Pp. 217–241.
- Hatto 1997 — Hatto A. T. Tradition and Change in the Kirghiz Manas. In S. Akiner & N. Sims-Williams (eds.), *Languages and Scripts of Central Asia*. London: School of Oriental and African Studies. 1997. Pp. 99–105.
- Holzwarth 2006 — Holzwarth W. The Uzbek State as Reflected in Eighteenth Century Bukharan Sources // *Asiatische Studien / Études asiatiques*. 2006. LX. 2. Pp. 93–129.
- Tiesenhausen V. G. (comp.) Materials in the History of the Golden Horde: Collections from Persian Writings. A. Romaskevich, S. Volin (eds.). Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 307 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. Nomadic tribes of the Aral Sea Region, Fifteenth to Seventeenth Centuries: Issues of Ethnic and Social History. Moscow: Nauka – GRVL, 1982. 134 p. (In Russ.)
- Tagirdzhanov A. T. (comp.) Majmu al-Tawarikh (Collected Histories): Photographic Reproductions of Manuscript Excerpts, Introduction, Indices. Leningrad: Leningrad University, 1960. 200 p. (In Russ.)
- Collected Histories (Majmu al-Tawarikh). M. Dosbolov, O. Sooronov (transl.). Bishkek: Salam, 2016. 160 p. (In Kyrg.)
- Utemish Hajji. Qara Tawarikh. I. Mirgaleev, E. Saifetdinova, Z. Khafizova (transcr.), etc. Kazan: Märkani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2017. 312 p. (In Russ.)
- Hafiz-i Tanish Bukhari. Sharaf-nama-yi Shahi (The Book of Shah's Glory). Pt. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1983. 536 p. (In Russ.)
- Edige: A Nogai Epic Poem. N. Suyunova (ed.). Moscow: Nauka, 2016. 512 p. (In Russ.)
- Atygayev N. A. Qazaq-Qalmaq relations in the 16th century. *Qazaq Historical Review*. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 446–457. (In Eng.)
- Hatto A. T. The birth of Manas: A confrontation of two branches of heroic epic poetry in Kirgiz. *Asia Major*. 1969. Vol. XIV. Pt. 2. Pp. 217–241. (In Eng.)
- Hatto A. T. Tradition and change in the Kirghiz Manas. In: Akiner S., Sims-Williams N. (eds.) *Languages and Scripts of Central Asia*. London: School of Oriental and African Studies, 1997. Pp. 99–105. (In Eng.)
- Holzwarth W. The Uzbek state as reflected in eighteenth century Bukharan sources. *Asiatische Studien / Études asiatiques*. 2006. Vol. 60. No. 2. Pp. 93–129. (In Eng.)

- Lee 2016 — *Lee J. Y.* Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2016. 47. Pp. 157–181.
- Reichl 2020 — *Reichl K.* “The true nature of the aoidos”: the kirghiz singer of tales and the epic of Manas // Amodio Mark C., ed. John Miles Foley’s World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory. Leeds: Arc Humanities Press, 2020. Pp. 185–206.
- Sayrami 2023 — *Sayrami Musa*. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. Translated by Eric Schluessel. New York: Columbia University Press, 2023. 520 p.
- Somfai Kara 2010 — *Somfai Kara David*. Kalmak: the enemy in the kazak and kirghiz epic songs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2010. Vol. 63 (2). Pp. 167–178.
- Somfai Kara 2025 — *Somfai Kara David*. The Majmū at al-tavārīkh and the Kyrgyz Epic Tradition. Chapter 6 // Csirkes F., Péri B. (eds.) Mongols, Tatars, and Turks in the Persianate World: Essays in Honor of István Vásáry (Studies in Persian Cultural History 21). Leiden, Boston: Brill, Vol. 21. Leiden: Brill, 2025. Pp. 112–123.
- Lee J. Y. Were the historical Oirats “Western Mongols”? An examination of their uniqueness in relation to the Mongols. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2016. Vol. 47. Pp. 157–181. (In Eng.)
- Reichl K. “The true nature of the aoidos”: The Kirghiz singer of tales and the epic of Manas. In: Amodio M. C. (ed.) John Miles Foley’s World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory. Leeds: Arc Humanities Press, 2020. Pp. 185–206. (In Eng.)
- Sayrami M. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. E. Schluessel (transl.). New York: Columbia University Press, 2023. 520 p. (In Eng.)
- Kara D. S. Kalmak: The enemy in the Kazak and Kirghiz epic songs. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2010. Vol. 63. No. 2. Pp. 167–178. (In Eng.)
- Kara D. S. The Majmū at al-tavārīkh and the Kyrgyz epic tradition (Chapter 6). In: Csirkes F., Péri B. (eds.) Mongols, Tatars, and Turks in the Persianate World: Essays in Honor of István Vásáry (Studies in Persian Cultural History 21). Leiden, Boston: Brill, 2025. Pp. 112–123. (In Eng.)

